

**ВЕСТНИК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 1, № 1

Подписано к публикации: 27.03.2023

Главный редактор журнала

Гостев Александр Николаевич

доктор социологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

Заборова Елена Николаевна (РФ, г. Екатеринбург) — доктор социологических наук, профессор

Кузнецов Валерий Иванович (РФ, г. Волгоград) — доктор социологических наук, профессор

Марар Ольга Ивановна (РФ, г. Воронеж) — доктор социологических наук, доцент

Охлопков Василий Егорович (РФ, г. Якутск) — доктор социологических наук, старший научный сотрудник

Сафонов Кирилл Борисович (РФ, г. Тула) — доктор социологических наук, доцент

Сосунова Ирина Александровна (РФ, г. Москва) — доктор социологических наук, профессор

Татарова Светлана Петровна (РФ, г. Улан-Удэ) — доктор социологических наук, профессор

Е-mail: vsn-journal@yandex.ru

Сайт: <https://vsn-journal.ru>

Содержание

Балашов К.Г.

Деструктивные религиозные течения как угроза изменения
традиционного самосознания общества 4-10

Зайцева П.Д.

Миграционные процессы и социальная интеграция: вызовы мультимодальному обществу 11-19

Котова О.В.

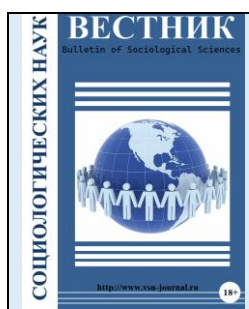
Община как социальный инструмент преобразования российского общества 20-27

Луценко М.Н.

Политическая поляризация в общественном дискурсе
и её влияние на семейные отношения 28-36

Самофалова Н.С.

Концепция социоструктурной функции образования
в контексте его современной модернизации 37-45

Научно-исследовательский журнал «*Вестник социологических наук / Bulletin of Sociological Sciences*»

<https://vsn-journal@yandex.ru>

2023, Том 1, № 1 / 2023, Vol. 1, Iss. 1 <https://vsn-journal/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

УДК 316.291

¹ Балашов К.Г.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Деструктивные религиозные течения как угроза изменения традиционного самосознания общества

Аннотация: в условиях глобализации и информационной открытости современный мир сталкивается с растущим влиянием различных ДРТ, которые, используя широкий арсенал средств массовой информации и социальных сетей, стремятся изменить устоявшиеся культурные нормы и ценностные ориентиры.

В ходе работы используются аналитические и социологические методы исследования для изучения конкретных примеров воздействия ДРТ на различные общества. В заключении исследования формулируются выводы о возможных последствиях влияния деструктивных религиозных течений на традиционные формы самосознания и идентичности, предлагаются рекомендации по противодействию этим угрозам на уровне государственной и общественной политики.

Ключевые слова: идеология, деструктивизм, деструктивные религиозные организации, ислам, адепты

Для цитирования: Балашов К.Г. Деструктивные религиозные течения как угроза изменения традиционного самосознания общества // Вестник социологических наук. 2023. Том 1. № 1. С. 4 – 10.

Поступила в редакцию: 4 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования 24 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 27 марта 2023 г.

¹ Balashov K.G.,

¹ Southwestern State University

Destructive religious movements as a threat to change the traditional identity of society

Abstract: in the context of globalization and information openness, the modern world is facing the growing influence of various DRTS, which, using a wide arsenal of mass media and social networks, seek to change established cultural norms and value orientations.

In the course of the work, analytical and sociological research methods are used to study specific examples of the impact of DRM on various societies. In conclusion, the study draws conclusions about the possible consequences of the influence of destructive religious movements on traditional forms of self-awareness and identity, and offers recommendations on countering these threats at the level of state and public policy.

Keywords: ideology, destructivism, destructive religious organizations, Islam, adherents

For citation: Balashov K.G. Destructive religious movements as a threat to change the traditional identity of society. Bulletin of Sociological Sciences. 2023. 1 (1). P. 4 – 10.

The article was submitted: January 4, 2023; Approved after reviewing: February 24, 2023; Accepted for publication: March 27, 2023.

Введение

В современной глобальной политике деструктивные религиозные течения (ДРТ) выступают как значимый фактор, вызывающий озабоченность на международном уровне. Упомянутые течения непрерывно усовершенствуют свои методы и тактики, что делает их действия более сложными для пресечения, особенно когда речь заходит о противодействии распространению их идеологии среди населения. В контексте проведения специальной военной операции, конфликт между Россией и Украиной, странами с общими религиозными и культурными корнями, вопросы противостояния деструктивным влияниям становятся особенно актуальными. Это противостояние порождает социальное и культурное напряжение, создавая угрозы национальной безопасности.

Ускоренное развитие сферы коммуникаций и информационно-телекоммуникационных технологий дает ДРТ возможность координировать их действия на международной арене, что усугубляет опасность подрыва основ конституционного строя отдельных государств изнутри. В данных условиях проявляется критическая необходимость как в теоретическом анализе, так и в разработке практических механизмов решения проблемы влияния деструктивных религиозных течений на устойчивость национальной безопасности, в частности Российской Федерации.

Исходя из сложившейся мировой ситуации, расширение исследовательского поля в данной области, а также разработка эффективных стратегий противодействия деструктивному влиянию ДРТ, становятся приоритетными направлениями в обеспечении национальной безопасности и стабильности в государстве.

Материалы и методы исследований

Для достижения целей исследования использовались различные методологические подходы, главным образом аналитическое изучение представленных данных, нормативных документов и научных работ. Основное внимание уделялось критическому анализу полученной информации.

Результаты и обсуждения

В рамках современных глобальных политических процессов деструктивные религиозные течения (ДРТ) приобретают значительную актуальность как серьезный вызов общественной стабильности. Для глубокого понимания феномена ДРТ крайне важно определить концепцию деструктивизма, который описывается как психологическая предрасположенность субъекта к восполнению собственных комплексов неполноценности за счет агрессивных актов в отношении окружающей среды. ДРТ актуализируют известные религиозно-философские доктрины, переосмысляя их через призму деструктивного восприятия, что приводит к формированию экстремистски ориентированных организаций, цель которых заключается не в исповедании религиозных постулатов, а в дестабилизации устоев конституционного строя под предлогом религиозной борьбы [1, с. 49].

На просторах Российской Федерации наблюдается формирование и деятельность многочисленных ДРТ, часть из которых уже подпала под законодательный запрет, в то время как другие балансируют на грани такового. В большинстве случаев, в РФ идеологическим ядром ДРТ выступает ислам, обусловленный историческим синтезом религии и политики в рамках данной культуры, что облегчает политизацию религиозных норм. В контрасте с христианскими конфессиями, ислам в некоторых государствах представляет наибольшую политическую силу. Для приверженцев ДРТ ключевым становится не духовное содержание ислама, а его символика и образы, используемые для достижения разрушительных целей [2, с. 38].

Типичными рекрутами ДРТ являются личности, переживающие кризисное состояние или фрустрацию, обусловленную социальной неудовлетворенностью, потерей близких и т.д., что, в свою очередь, ведет к снижению волевой саморегуляции и повышению суггестивности. Вышеуказанные психологические факторы служат уязвимыми точками для вербовщиков ДРТ при внушении деструктивных идеалов [3, с. 35].

Среди идеологических постулатов ДРТ на религиозной основе ислама выделяются следующие:

- восприятие демократии как западной, навязываемой формы управления, несовместимой с исламскими ценностями, предполагающими отказ от либеральных доктрин.
- представления о необходимости установления глобального шариата как единственной законной власти, идеализированной именем Аллаха и осуществляемой средствами вооруженного джихада, в отличие от традиционного исламского восприятия таких экстремистских акций как терроризм [4, с. 41].

Таким образом, представленный анализ подчеркивает необходимость глубокого и объективного изучения особенностей и последствий деструктивных религиозных течений для идентификации и противодействия их влиянию на общественную стабильность и конституционный строй.

В контексте изучения участия адептов в деятельности деструктивных религиозных организаций можно выделить две категории индивидуумов. Одна группа демонстрирует глубокую духовно-эмоциональную интеграцию в процессы, связанные с деятельностью организации, включая пропагандистскую работу и распространение экстремистской религиозной литературы. Вторая группа включает тех, кто продолжает находиться в состоянии психоэмоционального дискомфорта, не полностью освоив идеологические постулаты и проявляющие отчужденность и пассивность в организационных мероприятиях. Впоследствии, под воздействием коллективного идейного давления, наблюдается идейная трансформация сознания участни-

ков, проявляющаяся в изменении языковых паттернов и переоценке ценностных ориентиров. Например, приверженцы «Таблицы Джамаат» отходят от использования Аль-Корана в проповедях, что вызывает диссонанс в религиозном восприятии у сторонников традиционного ислама, нанося вред исконным религиозным представлениям [5, с. 75].

Потенциальная угроза национальной безопасности страны, особенно Российской Федерации, от ДРТ исламской направленности скрывается в самой сущности деструктивизма как концепции разрушения. Ораторы таких течений обращаются к аудитории с призывами о «священной миссии» наведения хаоса на Запад, настраивая своих приверженцев на проведение диверсий против всех, кто противостоит их учению. Для каждого нелегитимного действия находится «религиозно-обоснованное» оправдание.

Преимущественным объектом для вербовки становится молодежь, личности которой еще находятся в процессе формирования моральных и волевых качеств, что представляет собой серьезный вызов для будущего общества и государства в целом. Это подчеркивает значимость разработки мер по противодействию идейной инфильтрации деструктивных религиозных течений среди податливой молодежи [6, с. 85].

Проблематика воздействия деструктивных религиозных культов на индивидов и общество находит свое решение на уровнях мезо- и микросоциальной работы, как утверждает М.В. Фирсов. При этом, мезоуровень ассоциируется с механизмами групповой поддержки и взаимопомощи, тогда как микроуровень фокусируется на индивидуальном подходе к проблематике личности. В этом контексте, начальные шаги к разрешению влияния деструктивных религиозных культов исследуются в рамках данных подходов.

Аналитическая работа на мезоуровне направлена на осмысление генезиса и эволюции деструктивных религиозных культов, которые могут быть идентифицированы как уникальные формы дезадаптивных социальных групп. Это исследование предоставляет необходимую основу для определения стратегий и методик взаимодействия как с группами в целом, так и с их отдельными членами.

Проблематика, связанная с дефинированием и контролем над деструктивными религиозными культурами, акцентирует внимание на значительном ущербе, который такие объединения могут нанести как индивиду, так и его окружению, включая родственные и дружеские связи. Дальнейшее распространение патологически измененных межличностных связей приводит к трансформации не только личных, но и профессиональных, политических отношений, оказывая глобальное воздействие на социальную систему в целом. Это является веским основанием для включения деятельности по контролю за религиозными культурами в сферу социальной работы, инициируя поиск эффективных решений для урегулирования возникающих социальных дисфункций.

Вступление проблемы деструктивного воздействия религиозных культов в сферу интересов социальной работы порождает необходимость рефлексии относительно адаптации и возможных модификаций парадигмальных оснований профессии. В этом контексте, обозначение Н.Ф. Басовым трех ключевых концептуальных направлений – психологически ориентированного, социально ориентированного и комплексного подходов – представляет собой ценный вклад в осмысление способов и методов работы в данной области [7, с. 48].

Психолого-ориентированный подход акцентирует причины возникающих сложностей на индивидуально-личностном уровне, подчеркивая значимость укрепления самоуверенности клиента в своих способностях и ресурсах [8]. В контрасте с ним, социально-ориентированный подход обуславливает нестабильность социальных связей условиями в самом обществе, направляя усилия на трансформацию системы социальных отношений для предотвращения и устранения источников дезадаптации [9, с. 67]. Комплексный подход, в свою очередь, фокусируется на диалектике взаимодействия между индивидом и обществом, стремясь к восстановлению и развитию субъектности через целенаправленную работу на всеаспектную оптимизацию жизнедеятельности объекта социальной помощи.

Учитывая специфику вызовов, обусловленных деструктивными религиозными культурами, актуализируется необходимость интеграции и адаптации упомянутых парадигм с целью разработки многоаспектных стратегий взаимодействия, которые бы ориентировались на комплексное и долгосрочное решение возникших социальных задач [10, с. 77].

Выводы

Погружение в изучение сущности и механизмов воздействия деструктивной религиозности направлено на выработку методов поддержки, самоподдержки, организации и самоорганизации пострадавших от такого воздействия. Важнейшей задачей является обеспечение защиты личности от потери идентичности и автономии, что представляет собой значительный социальный риск.

На микроуровне анализа углубление в проблематику ведет к осмыслению жизненных сценариев лиц, попавших под влияние деструктивных религиозных культов. Это понимание, в свою очередь, направляет нас к разработке индивидуализированных подходов и методик помощи, основанных на конкретных запросах и потребностях клиентов. Именно такой подход позволяет реализовать эффективные стратегии поддержки и реабилитации, способствуя восстановлению личностного потенциала и социальной интеграции пострадавших.

Переход к решению проблематики влияния деструктивных религиозных культов предусматривает ориентацию на макроуровень социальной работы, который, согласно М.В. Фирсову, концептуализируется через теорию социального обеспечения с акцентом на обществе и государстве в качестве основных агентов помощи. В данном контексте, ключевым становится выработка законных, адекватных и эффективных стратегий государственного регулирования деятельности религиозных объединений с целью сохранения самостоятельного критического сознания и активности граждан. Задача контроля за процессами, потенциально угрожающими критичности сознания граждан и стабильности государственного строя, требует уточнения форм и методов его осуществления, определения ответственных структур и механизмов поддержки жертв религиозной деструктивности.

В рамках макроуровня следующим важным аспектом является определение источников финансирования и возможных платежных моделей для оказания помощи пострадавшим. В этом контексте возникает необходимость адаптации социальной работы к условиям борьбы с деструктивными религиозными практиками на уровне государственной политики и социального планирования.

Дальнейшее развитие научного поиска в ракурсе решения проблемы предполагает анализ на метауровне социальной работы, понимаемом как философия данной сферы. Задача здесь заключается в формулировке основных подходов и методологии помощи индивидам, столкнувшимся с последствиями воздействия деструктивных религиозных культов, а также в разработке ключевых принципов подготовки специалистов для эффективного противодействия религиозной деструктивности в разных ее проявлениях.

Таким образом, динамика деструктивных религиозных культов на фоне социально-экономических и морально-психологических вызовов, а также несовершенства нормативно-правового поля в контексте религиозных объединений вносит специфику в современную социальную динамику, поднимая вопросы национальной безопасности и социального благополучия. Разрушительное воздействие на психическое здоровье населения, институт семьи, а также национальные чувства и государственную лояльность требует интегрированного подхода и специализированных техник социальной работы, направленных на нейтрализацию отрицательного влияния деструктивных религиозных культов.

Список источников

1. Фромм Э.Ф. Анатомия человеческой деструктивности: пер. / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.
2. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. 334 с.
3. Бондарева Е.В., Письменов В.Н. Модели взаимоотношений государства и религиозных объединений в зарубежных странах // Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общественных объединений: российский и зарубежный опыт. 2016. С. 36 – 39.
3. Ильин В.Н. Фрустрация, ее свойства и особенности ее возникновения в воинских коллективах // Современное педагогическое образование. 2020. № 4. С. 67 – 71.
4. Демьянчук В.А., Письменов В.Н., Письменов Ю.В. Нарушение прав человека и международных актов исламскими террористическими группировками // Права человека: история, теория, практика: сборник научных статей пятой Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 68 – 73.
5. Сулейманов Р.Р. Религиозное влияние Пакистана на мусульман Татарстана в постсоветский период: на примере деятельности «Джамаата Таблиг» // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 29 ноября 2012 года / ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосева; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. Рязань, 2012. С. 74 – 79.
6. Головин Е.А. Правовое просвещение и образование в контексте преподавания правовых дисциплин в высшей школе (на примере деятельности высших учебных заведений Курской области) // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Право. 2017. № 16 (3). С. 83 – 88.
7. Сьюэлл Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций / сост. А. Верховский // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. М.: Центр «Сова», 2003. С. 44 – 56.
8. Dowhower R.L. Guidelines for Clergy. Recovery from Cults: Help for Victims of Psychological and Spiritual Abuse / Edited by M.D. Langone, Ph.D. W.W. Norton & Company. N.Y.; London, 1995.

9. Социальная работа: учебное пособие / под ред. д.п.н., проф. Н.Ф. Басова. М., 2009. 164 с.
10. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы: учебное пособие для вузов. 4-е изд. М.: Академический Проспект; Гаудеамус, 2009. 359 с.

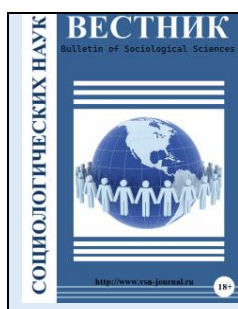
References

1. Fromm E.F. Anatomy of human destructiveness: trans. Auth. entry Art. P.S. Gurevich. M.: Republic, 1994. 447 p.
2. Dobaev I.P. Islamic radicalism: genesis, evolution, practice. Rep. ed. SOUTH. Volkov. Rostov-on-Don: Publishing house SKNTs VSh, 2002. 334 p.
3. Bondareva E.V., Pismenov V.N. Models of relationships between the state and religious associations in foreign countries. Current problems of legal regulation of the activities of public associations: Russian and foreign experience. 2016. P. 36 – 39.
3. Ilyin V.N. Frustration, its properties and features of its occurrence in military collectives. Modern pedagogical education. 2020. No. 4. P. 67 – 71.
4. Demyanchuk V.A., Pismenov V.N., Pismenov Yu.V. Violation of human rights and international acts by Islamic terrorist groups. Human rights: history, theory, practice: collection of scientific articles of the fifth All-Russian scientific and practical conference. 2016. P. 68 – 73.
5. Suleymanov R.R. The religious influence of Pakistan on the Muslims of Tatarstan in the post-Soviet period: on the example of the activities of the Tabligh Jamaat. Europe, Russia, Asia: cooperation, contradictions, conflicts: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, November 29, 2012. ed. THEM. Erlikhson, Yu.I. Loseva; Ryazan State University named after. S.A. Yesenina. Ryazan, 2012. P. 74 – 79.
6. Golovin E.A. Legal education and education in the context of teaching legal disciplines in higher education (on the example of the activities of higher educational institutions of the Kursk region). State and society: yesterday, today, tomorrow. Series: Law. 2017. No. 16 (3). P. 83 – 88.
7. Sewell E. Comparative characteristics of secular states and equality of religious organizations. comp. A. Verkhovsky. Limits of secularism: public discussion about the principle of secularism of the state and about ways to realize freedom of conscience. M.: Center “Sova”, 2003. P. 44 – 56.
8. Dowhower R.L. Guidelines for Clergy. Recovery from Cults: Help for Victims of Psychological and Spiritual Abuse. Edited by M.D. Langone, Ph.D. W.W. Norton & Company. N.Y.; London, 1995.
9. Social work: textbook. ed. D.Sc., prof. N.F. Basova. M., 2009. 164 p.
10. Firsov M.V., Studenova E.G. Theory of social work: textbook for universities. 4th ed. M.: Academic Prospekt; Gaudeamus, 2009. 359 p.

Информация об авторе

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

© Балашов К.Г., 2023

Научно-исследовательский журнал «*Вестник социологических наук / Bulletin of Sociological Sciences*»

<https://vsn-journal@yandex.ru>

2023, Том 1, № 1 / 2023, Vol. 1, Iss. 1 <https://vsn-journal/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.4.1. Теория, методология и история социологии (социологические науки)

УДК 316.444

¹ Зайцева П.Д.,

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

Миграционные процессы и социальная интеграция: вызовы мультимодальному обществу

Аннотация: данная научно-исследовательская работа занимает стратегически важную позицию в дискурсе социологических исследований, раскрывая комплексный анализ взаимосвязей между миграционными потоками и социокультурными, экономическими и политическими аспектами современного общества. В условиях глобализации, межэтнических конфликтов и макроэкономических изменений множественность и сложность миграционных потоков предъявляют к обществу задачу поиска и определения действенных стратегий для социальной интеграции мигрантов в условиях мультикультурного взаимодействия.

Исследование фокусируется на идентификации и детальном анализе проблематики, с которой сталкиваются мультикультурные общества на пути интеграции мигрантских групп. Преимущественное внимание уделяется изучению методов социализации и адаптации мигрантов, а также оценке влияния миграционных движений на все сферы жизнедеятельности принимающих сообществ. Рассматриваются вопросы социального благосостояния, участие мигрантов в гражданской жизни, межкультурное общение и развитие общественных институтов в рамках миграционной динамики.

Аналитическая база данного проекта включает в себя комплексное обследование статистических данных, оценку исследовательских отчетов и практических кейсов, что способствует глубокому пониманию тенденций миграционных процессов и выявлению оптимальных путей социальной интеграции. Важной частью исследования выступает привлечение концепций мультикультурализма и транснационализма для комплексного осмысления явлений, происходящих в миграционном пространстве мультиэтнических общин.

Целями данной работы являются систематизация подходов к социальной интеграции мигрантов в качестве ключевого фактора устойчивого развития и гармоничного сосуществования в мультикультурных обществах. Результаты исследования предполагается использовать для создания эффективных социальных стратегий и политик, нацеленных на улучшение интеграционных процессов, укрепление социокультурных связей и поддержку межкультурного диалога в рамках увеличивающейся мобильности населения.

Ключевые слова: миграционные процессы, социальная интеграция, мультикультурное общество, глобализация, мигрантские сообщества, межкультурное взаимодействие

Для цитирования: Зайцева П.Д. Миграционные процессы и социальная интеграция: вызовы мультимодальному обществу // Вестник социологических наук. 2023. Том 1. № 1. С. 11 – 19.

Поступила в редакцию: 5 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования 25 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 27 марта 2023 г.

¹Zaitseva P.D.,

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Migration processes and social integration: challenges to a multimodal society

Abstract: this research work occupies a strategically important position in the discourse of sociological research, revealing a comprehensive analysis of the interrelationships between migration flows and socio-cultural, economic and political aspects of modern society. In the context of globalization, interethnic conflicts and macroeconomic changes, the multiplicity and complexity of migration flows impose on society the task of finding and defining effective strategies for the social integration of migrants in the context of multicultural interaction.

The research focuses on the identification and detailed analysis of the problems faced by multicultural societies on the path of integration of migrant groups. Primary the study of methods of socialization and adaptation of migrants, as well as to the assessment of the impact of migration movements on all spheres of life of host communities. The issues of social welfare, the participation of migrants in civil life, intercultural communication and the development of public institutions in the context of migration dynamics are considered.

The analytical base of this project includes a comprehensive survey of statistical data, evaluation of research reports and practical cases, which contributes to a deep understanding of migration trends and identification of optimal ways of social integration. An important part use of the concepts of multiculturalism and transnationalism for a comprehensive understanding of the phenomena occurring in the migration space of multiethnic communities.

The objectives of this work are to systematize approaches a key factor for sustainable development and harmonious coexistence in multicultural societies. The results of the study are expected to be used to create effective social strategies and policies aimed at improving integration processes, strengthening socio-cultural ties and supporting intercultural dialogue within the framework of increasing population mobility.

Keywords: migration processes, social integration, multicultural society, globalization, migrant communities, intercultural interaction

For citation: Zaitseva P.D. Migration processes and social integration: challenges to a multimodal society. Bulletin of Sociological Sciences. 2023. 1 (1). P. 11 – 19.

The article was submitted: January 5, 2023; Approved after reviewing: February 25, 2023; Accepted for publication: March 27, 2023.

Введение

В академическом дискурсе понятие «миграция» интерпретируется множественно, отражая специфику различных дисциплинарных подходов и исследовательских интересов. В самой широкой его интерпретации миграция рассматривается как процесс пространственного перемещения индивидов. В более узком аспекте данный термин приобретает значение переездов населения или частных лиц с намерением смены постоянного места жительства на значительный период.

Разграничивая основные этапы миграционного цикла, отечественный эксперт Л.Л. Рыбаковский поднимает вопрос о трех важнейших фазах в динамике миграционных процессов. Первая фаза связана с возникновением территориальной мобильности, по сути, представляющей собой социально-психологическую предрасположенность к перемещению. Этот этап ассоциируется с формированием миграционной мобильности как проявления готовности к миграции на основе прошлого миграционного опыта. Стоит отметить, что такая мобильность может быть характерной как для индивидуумов, так и для более крупных социальных групп.

За этим следует этап, получивший наименование экономико-демографического, подразумевающий сам процесс переезда из страны исхода в страну назначения. Он выступает как ключевой момент в реализации миграционного потока, обозначая непосредственное выполнение акта перемещения.

Конечный этап миграционной серии касается адаптации мигрантов к условиям новой среды и готовности принимающего сообщества отвечать на новые потребности приезжих. Этот момент подчеркивает значимость взаимоотношений между мигрантами и принимающим населением, стимулируя не только адаптацию мигрантов к новой жизни, но и трансформацию социально-экономических структур страны приема для удовлетворения потребностей новых членов общества.

Участие региональных структур Российской Федерации в реализации стратегий социальной адаптации и культурной интеграции иностранцев регламентируется на законодательном уровне Федеральным законом № 184-ФЗ, который предоставляет субъектам федерации компетенцию в вопросах организации необходимых процедур социальной и культурной адаптации данных лиц. В соответствии с данным нормативным актом, финансовое обеспечение мероприятий по интеграции ложится на бюджеты субъектов федерации.

Дополнительно, в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ, задачи, связанные с поддержанием межнационального согласия и профилактикой этнически напряженных ситуаций, относятся к вопросам местной значимости, предполагая финансирование соответствующих программ из местных бюджетов. Такая разграниченность компетенций и финансовых обязательств между разными уровнями власти подчер-

кивает децентрализацию ответственности за процессы адаптации и интеграции мигрантов, отводя ключевую роль в этих процессах региональным и местным органам власти.

Экономические и правовые аспекты миграционного процесса, включая регулирование вопросов легализации пребывания и трудовой активности иностранных граждан, остаются в ведении федеральных структур, что обеспечивает единообразие подходов в данной сфере на всей территории Российской Федерации. В то же время, задачи, непосредственно связанные с адаптацией и интеграцией - от сохранения межнационального мира и профилактики конфликтов, до организации мероприятий по культурной адаптации, делегируются на уровень субъектов федерации и местных органов власти. Это подчеркивает необходимость учета региональных особенностей и предоставляет субъектам федерации возможность разрабатывать и внедрять специфические программы, отвечающие уникальным условиям и потребностям их территорий в работе с иностранными гражданами.

Материалы и методы исследований

Недостаточная разработанность и реализация обширной стратегии государственной политики в сфере адаптации и интеграции мигрантского населения способна привести к появлению разнообразных маргинальных групп среди них. Это явление представляет собой серьезную угрозу для стабильности и национальной безопасности в стране принимающей.

В данной работе предпринята попытка системного и институционального анализа сложившихся проблем и возможностей, которые открываются перед государственной интеграционной политикой в отношении мигрантов. Исследуются возможные пути разрешения выявленных проблем, анализируется международный опыт в данной сфере, а также теоретические основания вопроса и конкретные воздействия, которые процессы адаптации и интеграции мигрантов могут оказывать на социальную и политическую жизнь страны.

Результаты и обсуждения

Интеграция является ключевым понятием, укоренившимся в академической лексике и общественно-политическом дискурсе, в основе которого лежат идеи системного анализа [1, с. 37]. Семантические корни термина простираются к трехмерному пониманию: первое измерение относится к объединению предварительно разрозненных элементов в целостную структуру; второе к сокращению сложности уже сформировавшихся структур через оптимизацию взаимосвязей между их составляющими; и третье отражает включение новых элементов в устойчивую систему. В общественных системах эти аспекты отображают динамику связей как внутри системы – между людьми, организациями и сообществами, так и процесс интеграции новых субъектов в социальное тело [2, с. 783].

Обсуждая интеграцию в области социальных наук, необходимо учитывать ее многоуровневость и многоаспектность, что позволяет декомпозировать обширное и комплексное явление на части для более детального анализа.

Интеграция, следовательно, является комплексной функцией, основанной на динамике как самой миграционной волны, так и реагирования социальных и институциональных структур принимающего общества.

Препятствием для эффективного проведения политики, направленной на культурную адаптацию мигрантов, является ее ограниченная возможность выйти за рамки первоначального ознакомления с культурной и языковой средой страны пребывания. Прогресс в области культурной интеграции непосредственно связан с социальным прогрессом, в который погружается мигрант, включающим жизненные и профессиональные аспекты его деятельности. Данные процессы находятся под влиянием и общей, и специально разработанной для мигрантов политики по структурной и социальной интеграции.

Включение мигрантов в структурные основы и социальные иерархии общества, проявляется сквозь процедуры натурализации, обеспечения доступа к рынку труда, регулирования условий труда и занятости, формирования критериев доступа к образовательной системе и определения общественных обязательств государства перед мигрантами и гражданами.

Ключевым инструментом структурной интеграции является определение условий и процессов получения гражданства, что подразумевает формирование отношений между членами национального коллектива и государством. Этот аспект политики занимает промежуточное положение между общим и специализированным подходом, поскольку касается как общественных границ национального сообщества, так и интеграции различных групп мигрантов в его состав.

Формы гражданства и порядок его приобретения, закрепленные в законодательстве, отражают общественные представления об устройстве государства и подлежат государственному регулированию. Адаптация моделей гражданства к изменяющимся условиям демонстрирует подходы общей политики в области структурной интеграции, в то время как настройка процедур приема в гражданство для определенных групп выступает как специализированная политика [3, с. 304].

Изучение процессов интеграции лиц, переезжающих на постоянное место жительства в новую страну, представляет собой важную задачу в исследовательской работе миграционной области. В.И. Мукомель, занимаясь анализом этой проблематики, формулирует ключевые принципы, направленные на успешное включение мигрантов в социально-экономическую и культурную среду принимающего государства. Он подчеркивает, что интеграция является многоаспектным процессом, который предполагает активное участие как самих мигрантов, так и граждан, органов управления и социальных институтов страны приема. Также он подчеркивает двусторонний аспект взаимодействия: с одной стороны, обязанности мигрантов уважать и придерживаться существующих в стране законов и ценностей, с другой – обязательство государства предоставлять условия для полноценного вовлечения прибывших в общественную жизнь, обеспечивая им доступ к ресурсам и возможностям для социальной адаптации и культурного обогащения [4, с. 210].

Углубляя этот подход, И.В. Ивахнюк указывает на критическую роль институционального взаимодействия и стратегическое планирование в рамках интеграционной политики, что включает разработку специализированных программ, направленных на учет потребностей различных категорий мигрантов и активизацию роли структур гражданского общества [5, с. 78]. Это, по мнению Ивахнюка, способствует формированию многомерной основы для эффективной адаптации и взаимопонимания между мигрантами и предста-

вителями принимающего сообщества, рассматривая интеграцию как взаимный процесс, в котором ключевым является сочетание уважения и сохранения культурной уникальности мигрантов с их активным включением в жизнь общества.

Таким образом, размышления о стратегиях интеграции выделяют комплексный и многоуровневый подход к реализации данного процесса, акцентируя на его динамичности, взаимопомощи и адаптивности как основополагающих принципах успешного взаимодействия на протяжении всего пути интеграции мигрантов в новую социальную среду.

Рынок труда, образовательная система и социальное обеспечение также могут стать аренами для реализации как общеполитических, так и специализированных мер, направленных на интеграцию мигрантов [6, с. 11]. Воздействие на экономическую и социальную системы с целью снижения безработицы среди уязвимых слоев населения включает мигрантов и представляет собой общую политику. Специальная политика может включать в себя меры, непосредственно направленные на поддержку мигрантов, например, программы по профессиональной ориентации различных категорий мигрантов, таких как беженцы, пожилые люди, женщины и молодежь. Примером эффективной специализированной политики служит канадская программа интеграции мигрантов, предлагающая информацию о рынке труда и поддержку в адаптации к новой социальной среде до миграции [7, с. 109].

Разнообразие политических мероприятий, направленных на социальную адаптацию мигрантов в различных государствах, демонстрирует множество подходов, обусловленных двумя ключевыми наборами факторов. Прежде всего, эти различия частично объясняются специфическими характеристиками принимаемых обществ, как отмечает Геддес, а также особенностями миграционных потоков, что подчеркивается в исследованиях Овербека [8, с. 64]. В частности, различия в ведущей роли государственных структур в социальных процессах отражают первый набор факторов. Сложение этих двух факторных блоков приводит к формированию уникальной политики интеграции в каждом государстве, обеспечивая многообразие подходов как между различными странами, так и внутри одной страны по отношению к разным мигрантским группам [9, с. 92]. Это разнообразие под термином «интеграция» может включать, согласно Адриану Фавеллу, обширный набор мероприятий, начиная с законодательной и социальной поддержки мигрантов, процессов натурализации, принятия законов против дискриминации, разработки программ, направленных на содействие равным возможностям, поддержку деятельности мигрантских и этнических ассоциаций, распределение помощи в недостаточно обеспеченных районах, политику в сфере жилья и расселения, вопросы общественного порядка, международные соглашения касательно военной службы, мультикультурные образовательные инициативы, интеграцию в политические структуры, поддержку культурных практик, а также языковые и культурные образовательные программы. Фавелл подчеркивает незакрытый характер этого списка. В столь широком спектре мероприятий, задача формулирования единой концептуальной рамки для объединения этих разносторонних явлений выступает как серьезный вызов [10, с. 17]. Он требует детализации и более четкого определения самой сущности интеграции.

Социальная интеграция мигрантов нацелена на формирование разноплановых связей между приезжим и коренным населением. Задача такой интеграционной политики – способствование развитию позитивных

взаимоотношений между указанными группами. Характер этих взаимодействий будет зависеть от устоявшейся в стране миграционной концепции и специфики миграционных потоков. К примеру, в Кувейте, где доля мигрантов превышает половину населения, политика в сфере интеграции либо отсутствует, либо проявляется в форме сегрегации, основываясь на восприятии иностранцев как временных рабочих сил. В контрасте, в обществах с ориентацией на ассимиляцию новопривывших, политика направлена на создание стабильных, гармоничных отношений, включая дружбу и семейные узы, между местным населением и мигрантами, может быть обширной и мультифункциональной.

Выводы

Термины «адаптация» и «интеграция» зачастую анализируются в рамках единого процесса, направленного на обеспечение включения иностранных граждан в социокультурную среду страны пребывания как полноценных участников социальных процессов. Достижение этой задачи предполагает выполнение комплекса действий, нацеленных на юридическую и социальную поддержку мигрантов, а также на их ассимиляцию культурных норм и моделей поведения. В условиях российской реальности, политика интеграции во многом сводится к регулированию вопросов легализации трудовых отношений для иностранных работников. Ответственность за выполнение социально ориентированных программ, включая их финансирование, делегируется на уровень субъектов Федерации, разнородность которых по финансовым ресурсам и масштабам миграционных потоков создает препятствия для реализации объединенной стратегии адаптации и интеграции на государственном уровне.

Список источников

1. Saryglar S.A., Maximova S.G. Migration behavior: strategies and practices of social integration, specifics of adaptive behavior of migrants in the Asian borderlands of Russia // *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3. № 1. P. 37 – 48.
2. Воронина Н.А. Политика интеграции мигрантов и беженцев в странах ЕС // *Вопросы политологии*. 2020. Т. 10. № 3 (55). С. 781 – 789. DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.009
3. Ахметова И.Н. Реализация конституционного права на предпринимательскую деятельность как способ интеграции мигрантов в принимающем сообществе // *Современный ученый*. 2019. № 4. С. 304 – 309.
4. Осипова О.В. Роль принимающего сообщества в контексте проблемы интеграции мигрантов // *Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов : сборник материалов 3-й Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 26-29 октября 2016 года / Под ред. В.С. Белозерова; Отв. за выпуск: И.А. Соловьев. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2016. С. 210 – 214.*
5. Друшляков А.В. Создание условий для адаптации и интеграции мигрантов как важный элемент реализации миграционной политики // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2023. № 2. С. 74 – 78. DOI 10.24412/1994-3776-2023-2-74-78

6. Смидович Г.С. О необходимости законодательного регулирования, локализации и индивидуального подхода к интеграции мигрантов // Миграционное право. 2020. № 4. С. 11 – 15.
7. Суслова Т.Ф. Между интеграцией и изоляцией: трудовые мигранты в российском обществе // Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире: Сборник материалов пятой Всероссийской научно-практической конференции "Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития", Москва, 20-21 ноября 2015 года. Москва: Московский городской психолого-педагогический университет, 2015. С. 109 – 111.
8. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Второе поколение мигрантов в России в возрасте 18-30 лет: характеристики структурной интеграции // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 5 (124). С. 63 – 72.
9. Бажан Т.А. Вопросы инфраструктуры интеграции мигрантов в региональных планах реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. 2019. № 2 (18). С. 91 – 100.
10. Леденева В.Ю. Совершенствование миграционного законодательства в сфере адаптации и интеграции мигрантов // Вопросы этнополитики. 2019. № 3. С. 10 – 21. DOI 10.28995/2658-7041-2019-3-10-21

References

1. Saryglar S.A., Maximova S.G. Migration behavior: strategies and practices of social integration, specifics of adaptive behavior of migrants in the Asian borderlands of Russia. Society and Security Insights. 2020. Vol. 3. No. 1. P. 37 – 48.
2. Voronina N.A. Policy of integration of migrants and refugees in EU countries. Questions of political science. 2020. T. 10. No. 3 (55). P. 781 – 789. DOI 10.35775/PSI.2020.55.3.009
3. Akhmetova I.N. Implementation of the constitutional right to entrepreneurial activity as a way of integrating migrants in the host community. Modern scientist. 2019. No. 4. P. 304 – 309.
4. Osipova O.V. The role of the host community in the context of the problem of integration of migrants. Migration processes: problems of adaptation and integration of migrants: collection of materials of the 3rd International scientific and practical conference, Stavropol, October 26-29, 2016. Ed. V.S. Belozerova; Rep. for the issue: I.A. Soloviev. Stavropol: North Caucasus Federal University, 2016. P. 210 – 214.
5. Drushlyakov A.V. Creating conditions for adaptation and integration of migrants as an important element of the implementation of migration policy. Telescope: journal of sociological and marketing research. 2023. No. 2. P. 74 – 78. DOI 10.24412/1994-3776-2023-2-74-78
6. Smidovich G.S. On the need for legislative regulation, localization and an individual approach to the integration of migrants. Migration Law. 2020. No. 4. P. 11 – 15.
7. Suslova T.F. Between integration and isolation: migrant workers in Russian society. Understand the other: Intercultural understanding in the modern global world: Collection of materials of the fifth All-Russian scientific and practical conference "Practical ethnopsychology: current problems and development prospects", Moscow, 20-21 November 2015. Moscow: Moscow City Psychological and Pedagogical University, 2015. P. 109 – 111.

8. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. The second generation of migrants in Russia aged 18-30 years: characteristics of structural integration. *Social policy and sociology*. 2017. Т. 16. No. 5 (124). P. 63 – 72.

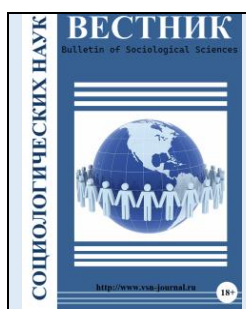
9. Bazhan T.A. Issues of infrastructure for the integration of migrants in regional plans for the implementation of the state national policy of the Russian Federation. *Economics. Right. Society*. 2019. No. 2 (18). P. 91 – 100.

10. Ledeneva V.Yu. Improving migration legislation in the field of adaptation and integration of migrants. *Issues of ethnopolitics*. 2019. No. 3. P. 10 – 21. DOI 10.28995/2658-7041-2019-3-10-21

Информация об авторе

Зайцева П.Д., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

© Зайцева П.Д., 2023

Научно-исследовательский журнал «*Вестник социологических наук / Bulletin of Sociological Sciences*»

<https://vsn-journal@yandex.ru>

2023, Том 1, № 1 / 2023, Vol. 1, Iss. 1 <https://vsn-journal/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

УДК 316.3

¹ Котова О.В.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Община как социальный инструмент преобразования российского общества

Аннотация: цель данной статьи заключается в демонстрации перспектив использования концепции современной общины как эффективного социального механизма для решения комплекса проблем, стоящих перед обществом: от демографических до идеологических. В статье предпринимается попытка синтезировать исследовательские подходы из областей социологии, истории и права для глубокого изучения современной общины и разработки стратегий её использования в качестве инструмента социальных инноваций.

Анализ ситуации с реализацией национальных программ показывает, что неудовлетворительные результаты часто связаны с отсутствием комплексного подхода и недооценкой традиционных методов преодоления социальных кризисов. Несмотря на это, автор подчеркивает, что не существует абсолютно новых социальных проблем или уникальных путей их решения. Эффективное управление исследуемыми явлениями достигается через тщательное обобщение исторического опыта и его адаптацию к текущим условиям.

Тысячелетиями общины играли ключевую роль в функционировании обществ различных культур и времён. Например, сельскохозяйственные общины служили фундаментом экономических и социальных структур в древнем Китае и других государствах. Опираясь на набор обычных правил и моральных норм, общины гарантировали устойчивость общества, способствуя демографическому росту, эффективному налоговому сбору и борьбе с преступностью.

Современные реалии Российской Федерации и опыт среднеазиатских республик СНГ иллюстрируют потенциал общин для адресного решения социальных вопросов. Ключ к успеху заключается в правовом обеспечении и поддержке государства, что укрепит социальную сферу и стимулирует развитие общинных инициатив.

Тем не менее, прямое распространение общинного подхода на все слои современного общества представляется невозможным ввиду его разнообразия и масштаба потребностей. Следовательно, государственная политика должна сосредоточиться на стимулировании и поддержке общин, основанных на принципах добровольности и самоорганизации, чтобы эффективно интегрировать их в социальную структуру и решение глобальных проблем.

Ключевые слова: национальные программы, Российская Федерация, община, социальный институт, социальный инструмент, социология, структура

Для цитирования: Котова О.В. Община как социальный инструмент преобразования российского общества // Вестник социологических наук. 2023. Том 1. № 1. С. 20 – 27.

Поступила в редакцию: 5 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования 26 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 27 марта 2023 г.

¹ *Kotova O.V.*,

¹ *Southwestern State University*

The community as a social tool for the transformation of Russian society

Abstract: the purpose of this article is to demonstrate the prospects of using the concept of a modern community as an effective social mechanism to solve a complex of problems facing society: from demographic to ideological. The article attempts to synthesize research approaches from the fields of sociology, history and law for a deep study of the modern community and the development of strategies for its use as a tool of social innovation.

An analysis of the situation with the implementation of national programs shows that unsatisfactory results are often associated with the lack of an integrated approach and underestimation of traditional methods of overcoming social crises. Despite this, the author emphasizes that there are no completely new social problems or unique ways to solve them. Effective management of the phenomena under study is achieved through careful generalization of historical experience and its adaptation to current conditions.

For thousands of years, communities have played a key role in the functioning of societies of various cultures and times. For example, agricultural communities served as the foundation of economic and social structures in ancient China and other countries. Based on a set of customary rules and moral norms, communities guaranteed the sustainability of society, contributing to demographic growth, effective tax collection and the fight against crime.

The modern realities of the Russian Federation and the experience of the Central Asian republics of the CIS illustrate the potential of communities to address social issues. The key to success lies in the legal provision and support of the state, which will strengthen the social sphere and stimulate the development of community initiatives.

Nevertheless, the direct extension of the community approach to all strata of modern society seems impossible due to its diversity and the scale of needs. Consequently, public policy should focus on stimulating and supporting communities based on the principles of volunteerism and self-organization in order to effectively integrate them into the social structure and solve global problems.

Keywords: national programs, the Russian Federation, community, social institution, social instrument, sociology, structure

For citation: Kotova O.V. The community as a social tool for the transformation of Russian society. Bulletin of Sociological Sciences. 2023. 1 (1). P. 20 – 27.

The article was submitted: January 5, 2023; Approved after reviewing: February 26, 2023; Accepted for publication: March 27, 2023.

Введение

В настоящее время для многих стало очевидным, что реализация некоторых государственных национальных программ не столь успешна, как ожидалось, одних – в большей степени, других – в меньшей.

Неудачи в достижении целей вызваны множеством факторов, в числе которых особо выделяется ограниченное понимание проблематики, требующей комплексного решения. Существующая государственная социальная стратегия напоминает ситуацию, в которой попытки освободиться из болота приводят лишь к дальнейшему погружению, при этом отсутствует четкое представление о направлениях действий. Одной из причин такой ситуации является недостаток целостной государственной концепции и конкретных целей для общества.

Такие недочеты в современной социальной политике подчеркивают критическую необходимость комплексного и систематического подхода к решению сложных вопросов, с которыми сталкивается общество и государственная система. Авторы данной статьи предлагают рассмотреть общину как эффективный социальный механизм, способный дать ответ на многие назревшие вопросы.

Основываясь на долгосрочном бесценном опыте человеческого развития и современных достижениях, пример которых можно наблюдать в разных странах мира, предложенный авторский взгляд на роль общины представляется весьма актуальным и многообещающим для преодоления обозначенных проблем. Данный подход предоставляет уникальную перспективу на использование общины как инструмента социальных инноваций и перемен, что выделяет его на фоне традиционных стратегий и придает значимость изложенным идеям.

Материалы и методы исследований

Изучаемый объект представляет собой общину в роли социального инструмента для впечатляющего спектра общественных задач. Ключевую роль в анализе играют фундаментальные принципы общинной организации и её региональные особенности [1, с. 261].

Важность социальной общины акцентирована в работах классиков мировой социологической мысли, в числе которых Энтони Гидденс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Георг Зиммель, Никлас Луман, Талкотт Парсонс и Фердинанд Тённис, а также рядом ведущих российских ученых. Отдельно отмечается исследовательский вклад А.Н. Полякова, который прорабатывает общину как уникальную форму социализации, зародившуюся на ранних этапах человеческой истории и продолжающуюся в многообразных формах сегодня. Поляков предложил собственную классификацию социальных общин, обогащающую понимание данного феномена [2, с. 62].

Исследовательский интерес к функционированию сельских общин в российском социологическом поле представлен достаточно широко. Например, Н.Е. Лихачёв провел анализ сельских общин Республики Беларусь через призму разных аспектов местного самоуправления, на основе данных социологических наблюдений. Один из значимых вкладов этого исследования – разработанная классификация общинных формирований и ключевых черт общинности. Специфику сельских общин Русского Севера осветил В.Г. Виноградский в контексте крестьяноведческого проекта, позволяющего углубить понимание их социально-экономической и культурной специфики [3, с. 28].

Таким образом, актуальность общины как социального инструмента в решении общественных проблем подтверждается историческим и современным исследовательским интересом, представленным в многогранном анализе и изучении её организационных основ и функциональной роли в различных культурно-региональных контекстах.

Результаты и обсуждения

В рамках научного дискурса в России наблюдается глубокий исследовательский интерес к анализу общины как дистинктивного социального формирования. Изучение соседских общин в качестве механизма локального самоуправления было осуществлено в научных работах М. В. Афонина и Л. Д. Руденко. Взаимопомощь, как функция общины, привлекла внимание А.Ю. Фодоря.

Эти научные постижения засвидетельствовали многогранность общины как социального института, чей спектр деятельности остается актуален начиная с древнейших времен. О. О. Симонович обращает внимание на своеобразную двойственность понятия общины. Община, с одной стороны, являет собой замкнутую структуру, концентрирующуюся на внутренних ценностях и ограниченную социокультурными, территориальными и идеологическими гранями. С другой стороны, ее невозможно адекватно понять без учета взаимодействия с более широкими общественными процессами. Таким образом, общину можно воспринимать как замкнутое объединение, так и как элемент, способствующий синтезу разнообразных культурных и экономических элементов обширного социума, что делает понятие многозначным и многоаспектным [4, с. 73].

Последствия постперестроечных трансформаций в России привели к формированию социума, характеризующегося чертами индивидуализма, аналогичными западным образцам, где предполагается условная самодостаточность и изолированность индивида [5, с. 18]. В контексте современной российской социальной действительности, определяемой как «общество одиночек», индивид оказывается изолированным в противостоянии с многочисленными вызовами: заболеваниями, природными катаклизмами, арбитранностью политической и административной власти, криминальными элементами, правоохранительными структурами и иными социальными проблематиками [6, с. 122]. В данном контексте, осознание своего бессилия и неспособности самостоятельно преодолеть комплекс вызовов становится неизбежным для многих граждан.

Специфическим примером встречи граждан с произволом являются действия учреждений, ответственных за жилищное обслуживание, перед которыми большинство населения оказывается беспомощным, подобно их восприятию ситуации с ценами на топливо, эксплуатацией со стороны дорожно-транспортной

инспекции, медицинских и образовательных работников, духовенства [7, с. 9]. Столкновение с угрозами стать жертвой преступления, аварии или даже летального исхода является постоянной реальностью для многих, что напоминает метафору множественной «русской рулетки» [8, с. 96].

Имеющиеся попытки обеспечить собственную безопасность со стороны обеспеченных слоев общества через создание изолированных пространств не способны решить проблему в корне, поскольку не устраняют основные причины социальной напряженности и взаимного дистанцирования в обществе.

Следует отметить, что государственные институты, переосмысливая социальные проблемы, взяли курс на разработку и внедрение федеральных целевых программ как ключевой стратегии социального инжиниринга. Однако, спустя десятилетие, растет скепсис относительно начальной эффективности данных стратегий. Примером такого разочарования является официальное признание недостатков реализации демографических инициатив на государственном уровне [9, с. 478].

Исследования проблематики европейской семьи уже достаточно продвинулись, однако найденные подходы и методы разрешения выявленных сложностей пока не достигают антиципированных эффектов. Усилия, прилагаемые обществами, претендующими на звание «цивилизованных», зачастую ограничиваются попытками среднего уровня эффективности, направленными на коррекцию текущего критического состояния в демографической сфере. Нельзя не отметить контраст между традиционной исламской европейской семьей и современной европейской семьей однополого типа, который подчеркивает текущее динамичное преобразование культурного и социального ландшафтов Европы и Северной Америки [10, с. 91].

Данное преобразование вызывает тревогу у правящих элит данных регионов, однако попытки частичного возврата к традиционным ценностям через восстановление устоев родных религий не приводят к желаемым итогам. Так называемый «демократический» мир оказывается захваченным в тиски своих собственных юридических, правовых и свободных оснований.

Один из основных выводов, которые можно сделать, анализируя ошибки в социальной политике «цивилизованных» государств, касается разрушения традиционных моральных норм и среды их существования, то есть большой семьи в рамках обширной общинной структуры.

Аналогичная динамика наблюдается и в Российской Федерации. Уничтожение остатков сельских общин (колхозов) и миграция основной части населения в городские агломерации вызвали демографическую стагнацию и депопуляцию уже в период социализма. Эти тенденции временно маскировались увеличением численности населения центральноазиатских и северокавказских регионов СССР, где доминировали давно сложившиеся национальные традиции и моральные нормы.

Проекция ситуации в Российской Федерации на ближайшие десятилетия без труда проявляется на фоне опыта Западной Европы, которая предстает как общество, испытывающее старение и убыль населения.

Задача осмысления роли и места общины в контексте современного «постиндустриального мировоззрения» выдвигается в ряд ключевых академических дискуссий сегодняшнего дня. Лишь часть научного сообщества скептически оценивает возрождение общинных укладов и принципов обычного права как шаг назад, к социальному регрессу и возврату в эпоху Средневековья.

Однако пристальный взгляд на опыт стран «Группы восьми» демонстрирует, что отнюдь не все общинные структуры подлежат категоризации как ушедшие в прошлое атавизмы. Страны с развитым национально-религиозным коммунальным устройством показывают успешные примеры адаптации и интеграции в рамки современной индустриально ориентированной социальной среды. В контексте эффективного применения общинного самоуправления выделяется опыт махалли в Узбекистане, который представляет собой выдающийся пример успешной самоорганизации.

Как бы то ни было, пренебрежительное отношение части российской интеллигенции к экономическому и культурному развитию Узбекистана не находит рациональных оснований. Страна, обладающая ограниченным набором природных ресурсов и размещенная в условиях геополитической нестабильности, демонстрирует впечатляющие результаты в динамике основных экономических и социальных индикаторов.

Демографическая ситуация в Республике Узбекистан заслуживает особого внимания из-за высоких показателей роста, чему способствует активная трудовая деятельность молодежи не только в пределах страны, но и за ее границами, в числе которых страны СНГ и Южная Корея, несмотря на быстрый прирост рабочей силы.

Ключевым фактором многоаспектного успеха Узбекистана является устойчивое функционирование общин как в сельских, так и городских территориях, обусловленное наличием специализированного законодательства о махалле. Таким образом, можно сделать вывод, что Узбекистан уникален среди развитых стран постсоветского пространства своей способностью строить политическую систему на общинных началах.

Выводы

Примеры, упомянутые выше, представляют собой конкретные проявления обширного эмпирического наследия человечества в развитии общинных структур, игнорирование которого представляется исследователю сообществу неприемлемым. Современная община, выполняя разноплановые социальные функции, может выступать как динамичный рычаг эффективной социальной стратегии, нацеленной на урегулирование ключевых социальных дилемм.

Актуальной представляется перспектива креативного осмысления и адаптации опыта функционирования общинных практик, зафиксированного в различных географических и культурных контекстах, к реалиям современного российского общества. Это может внести конструктивный вклад в решение проблем, стоящих перед ним в динамическом аспекте.

Отдельного внимания заслуживает факт, что текущее российское законодательство уже предусматривает основания для реализации проекта «община» без необходимости ввода специализированного закона. Существующие нормативно-правовые акты обеспечивают условия для формирования общин в разнообразных регионах Российской Федерации с учетом уникальных традиций и предпочтений их потенциальных участников.

Важным для современного российского общества является не только применение общинного подхода как средства комплексного решения социальных вызовов, но и стратегии его интеграции. Важно, чтобы

будущие реформы, признающие стойкость и эффективность общинной модели, проводились не массово и бездумно, а с учетом волевыражения и выбора участников, а также избирательности руководящих органов.

Соблюдение проверенных веками принципов организации позволит территориальной общине (включая городскую) сохранять устойчивость даже в условиях общественного дисбаланса. Так, возрождение общин как полноценных социальных институтов обеспечит возможность локализации и решения большинства проблематик без деструктивного влияния на общественный строй. Общины, функционирующие как механизмы социального преобразования, могут оказывать косвенное влияние на процессы инновации и развития в широком масштабе. Это, в свою очередь, предполагает необходимость глубокого и комплексного, особенно в социологическом аспекте, изучения существующих общин на территории России, включая их тщательную классификацию, анализ внутренней структуры и определение номенклатуры социальных функций.

Итак, сквозь призму веков и в контексте современных достижений развитых стран, история человечества демонстрирует, что восстановление общин как официально признанных социальных институтов может служить ключевым элементом в стратегии комплексного ответа на вызовы, стоящие перед современным миром.

Список источников

1. Афонин М.В., Руденко Л.Д. Соседские общины как институт местного самоуправления // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 260 – 265.
2. Набиева З.Р. Современная община как социальный инструмент преобразования российского общества // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 1 (11). С. 59 – 68.
3. Шнейдер Ф.А. Крестьянская община как институт непосредственной демократии в системе социально-правовых отношений России, 1861-1918 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 194 с.
4. Симонович О.О. Совмещение разных представлений о понятии «община» в эволюции формирования поселений // Наука, образование и экспериментальное проектирование: Труды МАРХИ: материалы Международной научно-практической конференции: сб. статей. М.: Изд-во МАРХИ, 2016. С. 72 – 77.
5. Поляков А.Н. Община как форма социальной организации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 6. С. 17 – 20.
6. Лихачёв Н.Е. Потенциал сельской общинности: социологический анализ // Социология. 2015. № 5. С. 121 – 129.
7. Виноградский В.Г. Сельские миры: опыт социологической реконструкций // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 5. С. 3 – 13.
8. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Исламская община республики Адыгея: текущая ситуация и тенденции развития // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 97 – 103.

9. Денисова Л.Л., Бурькин И.В., Ковалёва Д.М., Шевелев Н.С. Социальная структура современной России: тенденции и перспективы развития // Молодой ученый. 2019. № 21 (259). С. 477 – 479.
10. Дивисенко К.С., Дивисенко О.В. Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования // Петербургская социология сегодня. 2017. № 8. С. 91 – 110.

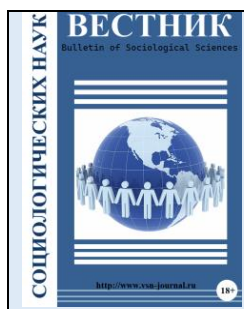
References

1. Afonin M.V., Rudenko L.D. Neighborhood communities as an institution of local self-government. Social and humanitarian knowledge. 2015. No. 4. P. 260 – 265.
2. Nabieva Z.R. Modern community as a social instrument for transforming Russian society. Siberian Socium. 2020. T. 4. No. 1 (11). P. 59 – 68.
3. Schneider F.A. Peasant community as an institution of direct democracy in the system of social and legal relations in Russia, 1861-1918: dis. ... cand. legal Sci. M., 2001. 194 p.
4. Simonovich O.O. Combining different ideas about the concept of “community” in the evolution of the formation of settlements. Science, education and experimental design: Proceedings of the Moscow Architectural Institute: materials of the International scientific-practical conference: collection. articles. M.: Publishing house MARKHI, 2016. P. 72 – 77.
5. Polyakov A.N. Community as a form of social organization. Bulletin of the Orenburg State University. 2004. No. 6. P. 17 – 20.
6. Likhachev N.E. The potential of rural community: sociological analysis. Sociology. 2015. No. 5. P. 121 – 129.
7. Vinogradsky V.G. Rural worlds: experience of sociological reconstruction. Sociological Research. 2019. T. 45. No. 5. P. 3 – 13.
8. Hanakhu R.A., Tsvetkov O.M. Islamic community of the Republic of Adygea: current situation and development trends. Sociological studies. 2014. No. 10. P. 97 – 103.
9. Denisova L.L., Burykin I.V., Kovaleva D.M., Shevelev N.S. Social structure of modern Russia: trends and development prospects. Young scientist. 2019. No. 21 (259). P. 477 – 479.
10. Divisenko K.S., Divisenko O.V. Social dimension of religiosity: experience of empirical research. St. Petersburg Sociology Today. 2017. No. 8. P. 91 – 110.

Информация об авторе

Котова О.В., кандидат социологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет

© Котова О.В., 2023

Научно-исследовательский журнал «*Вестник социологических наук / Bulletin of Sociological Sciences*»

<https://vsn-journal@yandex.ru>

2023, Том 1, № 1 / 2023, Vol. 1, Iss. 1 <https://vsn-journal/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

УДК 316.444

¹ Луценко М.Н.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

Политическая поляризация в общественном дискурсе и её влияние на семейные отношения

Аннотация: в современном мире наблюдается явный рост политической поляризации, особенно активно проявляющийся в общественном дискурсе. Острота и дихотомия политических взглядов не только влияют на формирование общественного мнения, но и проникают в микросоциум семей, вызывая конфликты и изменения в семейных отношениях. Данная статья посвящена исследованию взаимосвязи между политической поляризацией в общественном дискурсе и её воздействием на динамику семейных отношений.

В исследовании применялись качественные и количественные методы, в том числе анализ содержания медийных материалов, анкетирование и интервьюирование членов семей с различными политическими убеждениями. Использование многопрофильного подхода позволило всесторонне оценить влияние политической поляризации на семейные отношения.

Результаты показывают, что политическая поляризация оказывает значительное влияние на семейные отношения. В частности, было обнаружено, что семьи, члены которых имеют различные политические взгляды, испытывают больше напряжённости и конфликтов. Кроме того, в семьях, где политические вопросы являются предметом регулярных дискуссий, наблюдается высокий уровень стресса и эмоционального дискомфорта.

Анализ полученных данных позволил обсудить механизмы влияния политической поляризации на семейные отношения и выявить ключевые факторы, усиливающие или ослабляющие это воздействие. В статье также рассматривается роль средств массовой информации и социальных сетей в усилении политической поляризации и её проникновении в семейный быт.

Исследование подчеркивает важность осознания и управления политической поляризацией в семьях с целью сохранения гармоничных отношений и устойчивости семейного института. Актуальность темы обусловлена растущей политизацией общественной жизни и необходимостью разработки стратегий для снижения негативного влияния политических разногласий на социальную сферу.

Ключевые слова: политическая поляризация, семейные отношения, аффективная поляризация, эхо-камера, медиапотребление, идеологические разногласия, социально-эмоциональная избирательность, меж-

поколенческие конфликты, общественное взаимодействие, цифровые платформы, идентичность и убеждения, конструктивный диалог, информационная изоляция, межличностные коммуникации, стратегии снижения поляризации

Для цитирования: Луценко М.Н. Политическая поляризация в общественном дискурсе и её влияние на семейные отношения // Вестник социологических наук. 2023. Том 1. № 1. С. 28 – 36.

Поступила в редакцию: 6 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования 27 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 27 марта 2023 г.

¹ *Lutsenko M.N.*,

¹ *St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruевич*

Political polarization in public discourse and its impact on family relations

Abstract: in the modern world, there is a clear increase in political polarization, which is especially active in public discourse. The acuteness and dichotomy of political views not only influence the formation of public opinion, but also penetrate into the microsociety of families, causing conflicts and changes in family relations. This article is devoted to the study of the relationship between political polarization in public discourse and its impact on the dynamics of family relations.

The study used qualitative and quantitative methods, including analysis of the content of media materials, questionnaires and interviews of family members with different political beliefs. The use of a multidisciplinary approach made it possible to comprehensively assess the impact of political polarization on family relations.

The results show that political polarization has a significant impact on family relationships. In particular, it was found that families whose members have different political views experience more tension and conflict. In addition, in families where political issues are the subject of regular discussions, there is a high level of stress and emotional discomfort.

The analysis of the data obtained made it possible to discuss the mechanisms of the influence of political polarization on family relations and identify key factors that enhance or weaken this impact. The article also examines the role of mass media and social networks in increasing political polarization and its penetration into family life.

The study highlights the importance of awareness and management of political polarization in families in order to preserve harmonious relationships and the stability of the family institution. The relevance of the topic is due to the growing politicization of public life and the need to develop strategies to reduce the negative impact of political disagreements on the social sphere.

Keywords: political polarization, family relations, affective polarization, echo chamber, media consumption, ideological differences, socio-emotional selectivity, intergenerational conflicts, social interaction, digital platforms,

identity and beliefs, constructive dialogue, information isolation, interpersonal communications, strategies to reduce polarization

For citation: Lutsenko M.N. Political polarization in public discourse and its impact on family relations. Bulletin of Sociological Sciences. 2023. 1 (1). P. 28 – 36.

The article was submitted: January 6, 2023; Approved after reviewing: February 27, 2023; Accepted for publication: March 27, 2023.

Введение

В настоящее время комплексное взаимодействие политики, информационного поля и межпоколенческой дифференциации порождает сложную социокультурную динамику, которая определяет систему ценностей и убеждений как отдельных индивидов, так и семейных коллективов [1, с. 8]. Данная статья посвящается аналитическому обзору аспектов политической поляризации, межпоколенного различия и ключевой роли поддержания семейных связей, как это отражено в современных социологических исследованиях. Исследование начинается с оценки влияния массмедиа на формирование общественных взглядов и явления коллективной психологии. Далее предпринимается изучение теоретических построений и эмпирических данных о идеологических расколах между различными поколениями, с особым акцентом на анализе причин этих расколов и их последствиях для политических процессов и социальной интеграции.

В процессе размышлений осуществляется разбор научных трудов, исследующих значимость сохранения семейных связей в условиях существующих межпоколенческих разногласий и общей нестабильности современного мира. Опираясь на концепции социального обмена и социокультурного конструирования эмоций, данное исследование стремится углубить понимание механизмов, поддерживающих семейную структуру и когезию в условиях, когда внешние разделяющие факторы оказывают заметное давление на личностные и коллективные идентичности.

Материалы и методы исследований

В ходе разрабатываемого научного исследования предпочтение отдаётся методологии, охватывающей комплексный анализ воздействия политической поляризации на микроуровне семейных отношений, в контексте общественного взаимодействия, с учётом роли медиаконсумпции и механизмов формирования «эхо-камер» в цифровой среде. Применяемый инструментарий объединяет качественные и количественные методы исследования, что позволяет всесторонне рассмотреть и интерпретировать данные.

Результаты и обсуждения

Политическая поляризация обозначает явление, при котором наблюдается усиление разделения между индивидами и коллективами, выступающими носителями диаметрально противопоставленных политических идеалов и ценностей [2, с. 177]. Данное явление представляет собой комплексную социокультурную и

политическую проблематику, охватывающую широкий круг государств по всему миру. Явная политическая поляризация влечёт за собой замирание междуличностного и межгруппового сотрудничества и компромиссов, что, в свою очередь, негативно сказывается на состоянии демократических учреждений и уровне социальной интеграции. Важно отметить, что наличие противоборствующих политических партий или восприятие внешней политической угрозы не становятся непереносимыми признаками народной поляризации [3, с. 542]. Политическая поляризация определяется как дифференциация в рамках населения, проявляющаяся через увеличение социального расстояния между политическими группами, усиление конфликтности, враждебности и ощущения укрепления внутренних различий. Различия в оценках степени поляризации возникают вследствие специфического акцента исследователей на разнообразных формах проявления и анализе отдельных демографических групп.

Аффективная поляризация, также определяемая как эмоциональное отклонение или аффективное предвзятое восприятие, представляет явление, в рамках которого политическая самоидентификация индивидов очерчивается их эмоциональными и аффективными ответами, например, проявлениями гнева или ощущениями обиды в отношении индивидов с диаметрально противоположными политическими убеждениями [4, с. 502]. Данная тенденция приобретает все большее распространение в последнее десятилетие, особенно заметно это в Соединенных Штатах, где уровень политической поляризации достиг знаковых отметок [5]. Несколько исследователей выдвигают различные гипотезы относительно корней и импликаций аффективной поляризации. В числе ключевых теоретических построений стоит теория социальной идентичности, в рамках которой утверждается, что субъекты формируют свою социальную идентичность на основе принадлежности к определенным коллективам, и что данная идентичность оказывает существенное влияние на их самовосприятие, социальное поведение и отношения к представителям внешних групп [6, с. 86]. Согласно данному взгляду, формирование социальной идентичности осуществляется через процедуру социального сравнения, когда субъекты сопоставляют себя с другими членами своей группы для подтверждения своего самоуважения. Социальная идентичность находится в тесной связи с идеей интрагруппового предпочтения, под которым подразумевается склонность субъектов отдавать предпочтение членам собственной группы по сравнению с членами иных групп [7, с. 9].

Межпоколенческие разногласия проистекают из отличий в системах ценностей и мировоззрениях, формируемых под влиянием разнообразных социокультурных условий и специфического жизненного опыта. Исходя из фундаментальной теории поколений, разработанной социологом Карлом Мангеймом в 1952 году, выделяется понятие «поколенческого сознания» – уникального набора убеждений и ориентиров, сформированных под воздействием идентичных исторических и социокультурных факторов в период становления определённого поколения. Так, разнородность социальных условий, в которых взрослеют различные поколения, приводит к формированию отличительных ценностных предпочтений и взглядов. Теория постматериализма, предложенная Инглхартом в 1977 году, дальше развивает этот тезис, указывая на то, что переориентация общественных ценностей напрямую зависит от степени экономического благополучия и безопасности, испытываемой в период первичного социального опыта [8, с. 27]. Соответственно, в то время как представители старших поколений, столкнувшиеся с условиями материального недостатка, часто

выносят на первый план материалистические ценности, молодёжь, воспитанная в условиях относительного благосостояния, имеет тенденцию акцентировать внимание на постматериализме, возвышая идеалы самореализации и качества жизни. Эти ценностные диссонансы нередко становятся причиной межпоколенческих дискуссий и споров.

Более того, пропасть в освоении и применении технологий между разными поколениями дополнительно обостряет эти межпоколенческие столкновения. Цифровой дисбаланс, на который указывает Норрис, играет ключевую роль в культивировании разнообразных взглядов и ценностных ориентиров [9, с. 155]. Молодёжь, часто обозначаемая как «цифровое племя», обладает отличительным подходом к восприятию и интеграции технологий по сравнению с более взрослыми «цифровыми мигрантами», что провоцирует разночтения по многочисленным социальным и политическим вопросам. Связь молодых людей с современными альтернативными медиаресурсами отражает классический образ юности как обозревателей, часто выражающих недовольство по отношению к устоявшимся нормам общества. Как подмечено в работах Барбера и коллег, «возникновение современных альтернативных медиа стало ответом на потребность протестующих против системы предоставить новостной контент, отображающий «истину» так, как они её понимают». Поэтому тенденция молодого поколения к получению политической информации через социальные сети может рассматриваться как очередное выражение их врожденного протестного духа.

В периоды усиления напряженности политического диалога наблюдается тенденция к возрастанию частоты и интенсивности семейных конфликтов, что находит отражение в теоретических разработках, опирающихся на концепции аффективной поляризации и воздействия медиасреды. Эти преобразования были замечены как на уровне индивидуального взаимодействия, так и в широком социальном обмене мнениями, иллюстрируя глубокую социальную значимость и масштаб данной проблематики. Анализы, проведенные с использованием метода глубинных интервью и анализа медийных материалов, выявили согласованность в восприятии семейных разногласий, что свидетельствует о генерационных различиях в политических предпочтениях, широко обсуждаемых в современных социологических дискуссиях. Реализация эффекта «эхо-камеры» и проявления аффективной поляризации подчеркивают их значимость и актуальность в рамках семейной динамики.

Интересны результаты исследования, касающегося роли идеологической совместимости в семейной среде и склонности к избеганию политических дебатов, которые открыли многообразие саморегуляционных стратегий и ментальных установок. Такие выводы способствовали дополнительному усилению теоретических построений, касающихся социализационных процессов и стратегий избегания конфликтов в семейных отношениях на фоне политической поляризации [10, с. 10].

Исследовательские работы ученых вроде Мутца и Мартина раскрывают, как различия в мнениях, в особенности по политическим вопросам, могут усложнять семейные интеракции. Это может послужить обоснованием того факта, что многие индивиды предпочитают избегать участия в политических обсуждениях с родственниками, которые разделяют иные политические убеждения. Теория социально-эмоциональной избирательности, сформулированная Карстенсеном, Фунгом и Чарльзом, дополнительно освещает данное явление. В рамках этой теории утверждается, что с увеличением возраста люди склонны предпочитать пе-

реживания, несущие эмоциональное удовлетворение, вместо поиска новых сведений, в результате чего они стараются избегать дискуссий, способных спровоцировать конфликты.

Потребление медиаконтента играет важную роль в данном вопросе. Так, концепция «эхо-камер» Санстейна обозначает ситуацию, при которой индивиды подвергаются влиянию информации, преимущественно отражающей их собственные взгляды в цифровом пространстве, что способствует созданию информационной среды, укрепляющей однородные мнения и маргинализирующей или исключаящей диссонирующие позиции. Платформы, такие как YouTube и Telegram, могут способствовать формированию этих эхо-камер и, как следствие, непреднамеренно усиливать политическую поляризацию в рамках семейных структур. В частности, продолжительное время, проведенное в потреблении медиаконтента, подтверждающего существующие политические взгляды индивида, может способствовать закреплению этих убеждений и усилению ощущения приверженности к определенной политической идеологии, как отмечает Паризер. Данный процесс может оказаться особенно сложным для семейных взаимоотношений, в условиях где члены семьи поддерживают различные политические идеалы.

Наблюдаемые закономерности и динамика внутриспоколенческих и межпоколенческих дискуссий находят отражение в теоретических разработках, затрагивающих вопросы генерационных различий в коммуникативных стилях и методиках урегулирования конфликтов. Это дополнительно подчеркивает сложность и уникальность опыта, присущего каждому поколению, в управлении дискуссиями и расхождениями во мнениях.

В рамках научного исследования несомненно актуален анализ потенциала субъектов к адаптации или модификации их автобиографических рассказов, особенно под воздействием текущей жизни или субъективного восприятия реальности. Уникальность данных, собранных через персональные интервью, особенно от респондентов, ранее взаимодействовавших с медиа и способных формировать собственный информационный облик, вносит определённые сложности в исследовательский процесс. В таких обстоятельствах допустимо предположение об изменении или «усовершенствовании» их нарративов, приводящее к субъективизации их перспективы, чья достоверность не поддается полной верификации. Способность к конструированию недостоверных воспоминаний, особенно через повторение фиктивных событий, является хорошо изученным аспектом в области биографической памяти, что подчеркнуто исследованиями В. Нурковой и В. Зинченко.

Также критически важно отметить, что основное внимание данного исследования было уделено молодежной перспективе, исследуя их восприятие и опыт взаимодействия с политической поляризацией в семейной среде. Методологический выбор, хотя и способствовал получению значительной информации, также выявил определенные ограничения в интерпретации результатов. Рассмотрение межпоколенческих конфликтов исключительно сквозь призму молодых не включало анализ восприятий и отношений более старших поколений. В свете склонности молодёжи к интенсивному взаимодействию с разнообразными политическими позициями через цифровое пространство, точки зрения и реакции более старших поколений оставались вне аналитической рамки. В связи с этим, настоятельно рекомендуется разработка дальнейших исследовательских проектов, направленных на освещение широкого спектра перспектив всех участников

семейного процесса. Такая комплексная работа повысит понимание воздействия политической поляризации на семейные отношения, выявив пути к более продуктивному межпоколенческому общению. Это, в свою очередь, будет способствовать более гармоничному совместному существованию членов семьи, несмотря на наличие политических различий.

Выводы

Подводя итог исследования, стоит отметить аналитический пересмотр влияния политических дебатов на структуру семейных связей, что подчеркивает значимость детального рассмотрения механизмов аффективной поляризации и их воздействия на межличностные интеракции. Научные труды, разработанные учеными Мутца и Мартина, указывают на то, что диспаратность в политических взглядах может вызвать напряженность и дисгармонию в семье, где преданность определенным идеологиям зачастую закрепляется через пути медиаконсумции.

Концепция «эхо-камер», разработанная Санстейном и Паризером, выявляет, как интерактивные медиа-пространства могут способствовать углублению однозначности восприятия путем информационного самоизоляции, приводя к усилению идейной поляризации. Данный эффект особенно остро ощущается, когда личности предпочитают источники информации, подтверждающие существующие концептуальные рамки, тем самым способствуя укреплению идентичности и идеологической принадлежности.

Теория Карстенсена, которая построена на основе социально-эмоциональной избирательности характеризует людские предпочтения, особенно среди пожилых поколений, к эмоционально валидным взаимодействиям, ориентированным на исключение потенциально дестабилизирующих разговоров.

Указанные исследования подчеркивают критическую необходимость в развитии способов и стратегий, направленных на поддержку конструктивного обмена мнениями и уменьшение степени политической поляризации как в рамках семейных образований, так и в обширном социальном масштабе. Это предполагает инновационные подходы к формированию информационных среды, где диалог между различными перспективами и аргументами может стимулировать более взвешенное взаимопонимание.

Таким образом, глубокое осознание каузальных связей и последствий политической поляризации на уровне семейных отношений требует применения комплексного подхода, объединяющего как социологические, так и психологические элементы в анализе межличностных связей и влияния медиа на субъективные идентификации и убеждения личности. Разработка и внедрение эффективных коммуникационных стратегий и обмена информацией в рамках современного медиа-ландшафта могут внести значительный вклад в снижение аффективной поляризации и укрепление межпоколенческих связей, способствуя тем самым формированию более гармоничных семейных и социальных структур.

Список источников

1. Зинченко В.П. Живая память в исследованиях П.И. Зинченко (ретроспект и проспект) // Культурно-историческая психология. 2009. Т. 5. № 3. С. 2 – 15.
2. Asch S.E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments. In H. Guetzkow (Ed.), *Groups, leadership, and men*. 1951. P. 177 – 190.
3. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? // *Journal of Politics*. 2008. № 70 (2). P. 542 – 555.
4. Acock A.C., Bengtson V.L. Socialization and attribution processes: Actual versus perceived similarity among parents and youth // *Journal of Marriage and the Family*. 1980. № 42 (3). P. 501 – 515.
5. Дела семейные (2022) // «ВЦИОМ-онлайн» по заказу банка ВТБ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye> (дата обращения: 25.12.2023)
6. Заморина К.В. Соотношение понятий "семейные отношения", "семейные правоотношения" и "отношения, урегулированные нормами семейного законодательства" // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2021: Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 21-22 мая 2021 года. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. Т. 2. С. 84 – 87.
7. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7 – 15.
8. Мазаева Н.И. Семейные отношения в контексте социальных трансформаций // *Общество: философия, история, культура*. 2019. № 2 (58). С. 27 – 30.
9. Мишечкина Н.А. Семейные и детско-родительские отношения в психологической консультации // *Молодой ученый*. 2019. № 4 (242). С. 155 – 157.
10. Худойкулова Н.Р. Научно-практическое исследование влияния эмоционального разрушения на семейные отношения // *Гуманитарный трактат*. 2021. № 104. С. 9 – 11.

References

1. Zinchenko V.P. Living memory in the research of P.I. Zinchenko (retrospect and prospectus). *Cultural-historical psychology*. 2009. T. 5. No. 3. P. 2 – 15.
2. Asch S.E. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments. In H. Guetzkow (Ed.), *Groups, leadership, and men*. 1951. P. 177 – 190.
3. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? *Journal of Politics*. 2008. No. 70 (2). P. 542 – 555.
4. Acock A.C., Bengtson V.L. Socialization and attribution processes: Actual versus perceived similarity among parents and youth. *Journal of Marriage and the Family*. 1980. No. 42 (3). P. 501 – 515.
5. Family matters (2022). “VTsIOM-online” commissioned by VTB Bank. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye> (access date: 12/25/2023)

6. Zamorina K.V. The relationship between the concepts of “family relations”, “family legal relations” and “relations regulated by the norms of family legislation”. Current problems of science and practice: Gatchina Readings – 2021: Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, 21-22 May 2021. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2021. Т. 2. P. 84 – 87.

7. Ilyina O.Yu. Family relations and family legal relations as a subject of other industry regulation. Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2021. No. 1 (65). P. 7 – 15.

8. Mazaeva N.I. Family relationships in the context of social transformations. Society: philosophy, history, culture. 2019. No. 2 (58). P. 27 – 30.

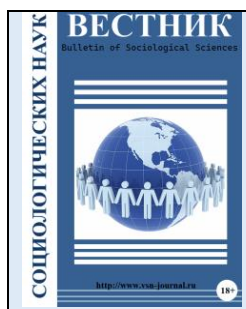
9. Mishechkina N.A. Family and child-parent relationships in psychological consultation. Young scientist. 2019. No. 4 (242). P. 155 – 157.

10. Khudoikulova N.R. Scientific and practical study of the influence of emotional destruction on family relationships. Humanitarian treatise. 2021. No. 104. P. 9 – 11.

Информация об авторе

Луценко М.Н., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

© Луценко М.Н., 2023

Научно-исследовательский журнал «*Вестник социологических наук / Bulletin of Sociological Sciences*»

<https://vsn-journal@yandex.ru>

2023, Том 1, № 1 / 2023, Vol. 1, Iss. 1 <https://vsn-journal/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

УДК 316.3

¹ Самофалова Н.С.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Концепция социоструктурной функции образования в контексте его современной модернизации

Аннотация: в работе рассматривается концепция социоструктурной функции образования в контексте его современной модернизации, что представляет собой актуальное поле аналитического исследования в условиях глобальных социокультурных и технологических трансформаций. Исследование направлено на детальный анализ роли образовательных систем в формировании и поддержании социальной структуры, а также их влияния на социальную мобильность и интеграцию индивидов. С особым вниманием изучается способность образовательных институций адаптироваться к изменениям и способствовать эволюции социальной структуры через переосмысление образовательных программ, методик и подходов.

В исследовании подчеркивается, что модернизация образования является ключевым фактором для обеспечения его соответствия текущим и будущим социальным и экономическим условиям, включая подготовку кадров, способных эффективно функционировать в условиях цифровой экономики и общества знаний. Акцент делается на необходимости включения в образовательный процесс развития навыков критического мышления, гибкости, творческого подхода к решению проблем и способности к непрерывному самообразованию.

Помимо функции подготовки квалифицированных специалистов, рассматривается и социализирующая роль образования, включая формирование гражданской идентичности, социокультурной компетентности и профессиональной этики. Обзор существующих практик и теоретических подходов к модернизации образовательного процесса демонстрирует их значимость для достижения социальной гармонии, сокращения неравенства и продвижения устойчивого развития.

Заключение исследования подводит итоги рассмотрения социоструктурной функции образования как механизма социальной адаптации и развития, выделяя важность инновационных стратегий в образовательной сфере, способствующих формированию открытого, динамичного и инклюзивного общества. Работа предлагает комплексный анализ теоретических и практических аспектов современной модернизации образования, ориентированной на реализацию его социоструктурной функции в условиях постоянно меняющегося мира.

Ключевые слова: социальная дифференциация, социальная мобильность, образование и социальная структура, человеческий капитал, социология образования, классические социологические теории, модернизация образования

Для цитирования: Самофалова Н.С. Концепция социоструктурной функции образования в контексте его современной модернизации // Вестник социологических наук. 2023. Том 1. № 1. С. 37 – 45.

Поступила в редакцию: 8 января 2023 г.; Одобрена после рецензирования 29 февраля 2023 г.; Принята к публикации: 27 марта 2023 г.

¹ Samofalova N.S.,

¹ Belgorod State National Research University

The concept of socio-structural function of education in the context of its modern modernisation

Abstract: the paper deals with the concept of socio-structural function of education in the context of its modernisation, which is a relevant field of analytical research in the context of global socio-cultural and technological transformations. The study is aimed at a detailed analysis of the role of educational systems in the formation and maintenance of social structure, as well as their influence on social mobility and integration of individuals. Special attention is paid to the ability of educational institutions to adapt to change and contribute to the evolution of social structure through the rethinking of educational programmes, methods and approaches.

The study stresses that the modernisation of education is a key factor in ensuring its relevance to current and future social and economic conditions, including the training of personnel able to function effectively in the digital economy and knowledge society. Emphasis is placed on the need to include in the educational process the development of critical thinking skills, flexibility, creative problem-solving and the ability for continuous self-education.

In addition to the function of training qualified specialists, the socialising role of education is also considered, including the formation of civic identity, socio-cultural competence and professional ethics. A review of existing practices and theoretical approaches to modernising the educational process demonstrates their significance for achieving social harmony, reducing inequalities and promoting sustainable development.

The conclusion of the study summarises the consideration of the socio-structural function of education as a mechanism of social adaptation and development, highlighting the importance of innovative strategies in the educational sphere that contribute to the formation of an open, dynamic and inclusive society. The work offers a comprehensive analysis of theoretical and practical aspects of modern modernisation of education, focused on the implementation of its socio-structural function in the conditions of a constantly changing world.

Keywords: social differentiation, social mobility, education and social structure, human capital, sociology of education, classical sociological theories, modernisation of education

For citation: Samofalova N.S. The concept of socio-structural function of education in the context of its modern modernisation. Bulletin of Sociological Sciences. 2023. 1 (1). P. 37 – 45.

The article was submitted: January 8, 2023; Approved after reviewing: February 29, 2023; Accepted for publication: March 27, 2023.

Введение

В рамках наступающих глобализационных волн, переформирующих международное образовательное поле в зону активного поиска инновационного капитала для развития и укрепления, становится очевидным первостепенное положение образовательных активов в качестве основы для продолжительного развития общества. Прогрессирующая роль образования в качестве социокультурного механизма, стимулирующего воссоздание ключевых социальных связей, в частности, социоструктурных отношений межпоколенческого характера, обретает критическую значимость в условиях как эволюционного воспроизводства социальных структур современности, так и их переопределения через призму новейших ценностных ориентиров [1, с. 156].

Текущие изменения в российском образовании отражают глобальные векторы движения к эпохе информационного общества, известного как «общество знаний». Это находит отражение в расширении спектра образовательных предложений и увеличении требований к различным моделям и ступеням обучения, а также в усилении роли образовательного процесса как независимого катализатора социальной мобильности. Дополнительно, наблюдается тренд на модернизацию важнейших социальных институтов, в том числе через укрепление связей между образовательной сферой и экономикой. В этом смысле, образование превращается в ключевой элемент социального уклада и двигатель социальной мобильности.

Функционирование образовательной системы содействует структурированию социального состава общества, определяя место индивидов в социальной иерархии согласно их образовательным достижениям. Трансформация рыночного устройства экономики России и переход к механизму рыночной регуляции в области образования вызвали дисбаланс между потребностями и предложениями на рынке квалифицированной рабочей силы, что, в свою очередь, привело к уменьшению эффективности образования как механизма достижения социальных и экономических позиций личности в социальной структуре.

Материалы и методы исследований

В анализируемом материале освещаются как фундаментальные западные социологические теории, касающиеся роли образования в процессах социальной дифференциации и мобильности (работы Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, Питирима Сорокина, Пьера Бурдьё, Нила Смелзера и других), так и современный этап развития социологической мысли, в рамках которого акцентируется внимание на концепции «человеческого капитала». Эту тенденцию представляют работы Теодора Шульца, Гэри Беккера, Эрика Соренсена, Ульриха Бека и Мануэля Кастельса.

Всё явственнее образование проявляет себя как весомый элемент в динамике социальной мобильности и в качестве инструмента формирования социальной структуры. Образовательное пространство играет заметную роль в структурировании общественного уклада, обеспечивая распределение лиц по социальным группам на основании достигнутого уровня образовательных достижений.

Результаты и обсуждения

Развитие концепции образования как детерминанты социального различия и мобильности в структуре общества было глубоко проработано в научных трудах Питирима Сорокина. Он обнаружил, что стабильность социального порядка поддерживается сквозь применение специфических социальных механизмов, среди которых образовательные учреждения, включая школу, играют центральную роль. Их ответственность простирается к надзору за процессами социального ассесмента, селекции и прогрессивного интегрирования индивидов в многоуровневые социальные стратификации и коллективы. Доминирование этого типа контроля предполагает распределение личностей в соответствии с их квалификациями для адекватного воплощения уникальных социальных обязанностей. В данной динамике, образовательное учреждение, во взаимодействии с другими социальными органами, деятельно участвует в дирижировании процессов вертикальной социальной мобильности, фасилитируя как возвышение личностей в рамках социальной пирамиды, так и их десцентрирование, выполняя функции сортировки и систематизации зачисляемых, с обеспечением консеквентного приписывания их статусов в рамках социальной архитектуры общества [2, с. 306].

Согласно этому взгляду, образование предназначается для выполнения функций социального отбора и распределения личностей внутри общественного устройства, играя ключевую роль в его структурировании, а также возвышая процесс социальной мобильности. Недочеты в данной системе несомненно влияют на всеобщее положение общества, в то время как эффективные действия этого социального института способствуют его процветанию.

Питирим Сорокин особое внимание уделяет роли школы как принципиальной арены для испытания способностей личности и определения их социального статуса, указывая на важность образовательного процесса как следующего этапа проверки семейного влияния, который имеет потенциал кардинального пересмотра предварительных вердиктов [3, с. 16].

В рамках детального исследования проблематики доступности образовательных ресурсов, Питирим Сорокин сформулировал уникальную гипотезу: процесс гармонизации образовательных норм и критериев не только не способствует нивелированию социальных несоответствий, а, напротив, приводит к их более явному проявлению и усиливает их выраженность. Данное явление имеет корни в том факте, что лишь ограниченный контингент обучающихся способен преодолеть барьеры, достигая верхних эшелонов образовательной лестницы. Это, в свою очередь, способствует к росту числа лиц, оказывающихся за бортом системы успешного вхождения в актуальную образовательную схему. Таким образом, школа, будучи теоретически доступной каждому, на практике ограничивает большинство своих учеников, выполняя функцию социального отбора для дальнейшего продвижения по лестнице социального стратификации.

Аналитические изыскания в домене функций и значимости образовательной системы внутри социальных структур, проведенные такими знаменитыми исследователями, как Пьер Бурдье, Бернард Саймон и Нил Смелзер, выделяют роль образовательных институтов как центральных агентов в консолидации и подкреплении основополагающих социальных стратификаций в символическом аспекте. Бурдье акцентирует на способности образовательных учреждений к созданию значимых и общепризнанных социальных разграничений. Анализ Саймона открывает инсайт о том, как образовательные пространства становятся ареной взаимодействий и, порой, столкновений интересов множественных классов и социальных формирований, местом, где образовательный процесс трансформируется не просто в объект стремления к доминированию, но и в ключевой ресурс для изменения классового баланса [4, с. 129].

Вслед за этим, различные подходы к выполнению социальных обязанностей образования отражают конфликт интересов разнообразных социальных групп, где образование воспринимается как институт, задачей которого является поддержание существующего социального порядка, при этом также способствуя социальным изменениям через внедрение новых технологий и пересмотр устоявшихся знаний.

В контексте эволюции современного социального уклада, образование эволюционировало в omnipresentный элемент, приобретая ключевую роль в механизмах социального управления и содействия устойчивости общественного строя в синергии с другими основополагающими структурами социального устройства, такими как семейные взаимоотношения, религиозные обычаи и нормативно-правовая база, тем самым фасилитируя обеспечение социальной консонантности. В этом ракурсе, образовательный аппарат выполняет роль инструмента дифференциации, активизируя процессы выборки и классификации субъектов на основе их достоинств. Из позиции функционального подхода, образование становится скелетом для аллокации индивидов по социальной лестнице на основании их интеллектуального и творческого потенциала, обеспечивая, таким образом, индивидам с выраженными успехами доступ к ролям с высокой социальной оценкой и материальным вознаграждениям. Параллельно, образовательная сфера поддерживает механизмы социальной асценсии, объективно оценивая личности на основании их академических и профессиональных достижений вне зависимости от их изначальной социальной позиции, этнической принадлежности или идентификации по гендеру [5, с. 429].

В рамках теоретического направления конфликтологии, осветленного размышлениями таких мыслителей, как Карл Маркс, Макс Вебер и Рэндалл Коллинз, особое внимание приковывается к роли образовательных институтов в усугублении и укреплении социальных диспропорций, преобразуя их в арену для комплексных социальных споров и столкновений. Рэндалл Коллинз, в частности, акцентирует свое внимание на процессе увеличения масштабов образовательных структур в США, трактуя его скорее как результат стремлений разнообразных социальных слоев к достижению политического влияния, экономической устойчивости и общественного уважения, нежели как средство удовлетворения потребностей в профессиональных специалистах. Влиятельные группы, представленные, например, профессионалами в области медицины и права, стремятся осолить свои позиции, оказывая поддержку соратникам и вводя барьеры для внешних претендентов через утверждение определенных образовательных критериев как обязательных «стандартов». Данный маневр приводит к конкурентной борьбе за доступ к образовательным, а следствен-

но, и к экономическим ресурсам, способствуя непропорциональному расширению образовательной инфраструктуры, которое не находит своего отражения в реальных потребностях экономического развития [6, с. 308].

Технократический подход в доктринах образовательного процесса утверждает непосредственную корреляцию между уровнем академической подготовки и перспективами социального восхождения. Взгляды, основанные на этой концепции и взаимосвязанные с либеральными доктринами социальной мобильности, отстаиваемыми исследователями вроде Кларка Керра, Ричарда Эриксона и Джона Голдторпа, сталкиваются с оппозицией со стороны теорий «социальной иммобилизации» или «социальной эксклюзии» [7, с. 468]. Эти альтернативные теоретические конструкции исходят из предположения, что в контексте современного капиталистического общества буржуазия консолидирует и оберегает свой классовый статус через два главных механизма: во-первых, посредством владения и влияния в структурах власти и, во-вторых, через академическое признание, включая образовательные степени, дипломы и сертификаты [8, с. 39].

В сфере стратификационных исследований особо выделяется концепция капиталов Пьера Бурдьё, как одна из наиболее значимых в рамках ресурсного подхода. Бурдьё, опираясь на фундамент марксистской теории, адаптирует понимание капитала к новым историческим реалиям. В опусе, получившем наименование «Формы капитала», делается акцент на позиции, согласно которой капитал представляет собой агрегированный результат трудовой активности, способный манифестироваться не только в физически осуществлённой форме, но и в интегрированной в личности проявлении. Процесс ассимиляции капитала индивидуальными агентами или коллективами открывает ворота к осмыслению социальной динамики, которая находит своё выражение в проявлениях как материализованного, так и воплощённого в деятельности человека труда [9, с. 95].

В развитии исследовательского курса, заданного Гэри Беккером в отношении эксплорации новаторских форм капитала, Пьер Бурдьё выделяет три принципиальных типа капитала, которые играют доминирующую роль в формировании социальных страт: экономический, культурный и социальный. В дополнение, он предлагает концепцию подразделений внутри социальных классов, отличия между которыми носят структурный характер, основываясь на диверсификации и пропорциях между различными типами капитала. Бурдьё реконцептуализирует идею человеческого капитала Беккера, традиционно ассоциируемую с образовательным аспектом, переопределяя ее как культурный капитал. Согласно Бурдьё, культурный капитал включает не исключительно знания и компетенции, но и более нюансированные детерминанты поведения, которые сформированы в контексте процесса социализации, отображая личностную инвестицию в усвоение культурного достояния [10, с. 65].

Мануэль Кастельс вводит в анализ социальной структуры концепцию информационализма – нового режима развития, сменяющего постиндустриальное общество и основывающегося на принципах инноваций, знаний и информации. В этой модели, акцент смещается на образование и навыки как на ключевой ресурс новой экономики, где непрерывное образование и саморазвитие становятся необходимыми условиями успеха.

Кастельс также указывает на существование трех тенденций, способствующих углублению социальной поляризации в современном обществе: разделение трудового ресурса на самопрограммируемый, высокоэффективный и обобщенный, легко заменяемый.

В недавнее время наметилась и динамично расширяется новая ветвь исследовательской деятельности, пролагающая мост между наступлением нового периода в социетальном развитии и переосмыслением фундаментальных принципов социального уклада. В центре этого аналитического фокуса находится разнообразие и структурная организация доступных ресурсов, опережающих классически признанный экономический капитал. Алан Турен подчеркивает, что в ткани постиндустриального мироустройства основным акцентом инвестиционных стратегий становятся символические активы, способные к радикальному реформатированию закреплённых систем ценностей, запросов и концепций, тем самым оказывая глубокое воздействие на социальное положение личности и ее мобильность в социальной иерархии.

Меры по модернизации образовательного пространства в России, особенно в контексте высшего образования, стремящиеся к адаптации системы к экономическим потребностям (через внедрение бакалаврской и магистерской степеней, создание инновационных университетских моделей). Однако тщательное исследование ключевых теоретических и методологических подходов, применяемых в социологии образования, указывает на то, что образовательный процесс не ограничивается исключительно практически ориентированными и экономическими инициативами. В значительной мере он воплощает в себе важные социоструктурные роли, способствуя защите легитимности и содействуя трансформации передовых компетенций и социального капитала индивидуумов во вздымающую их на более высокий социальный уровень. Это способствует их уверенной интеграции в слои социальной иерархии, наведению потоков молодежи по адекватным социальным и экономическим маршрутам, а также вкладывает в поддержание и развитие пространства медианной классовой принадлежности.

Отсюда следует, что социоструктурные компоненты приобретают неоспоримую ценность для всех стремлений, нацеленных на модернизацию образовательной системы на уровне нации. Тонкое воздействие этих элементов на оформление новой институциональной экосистемы, разработка схем инкорпорации молодежи в передовые социокультурные сектора доказывает необходимость проведения комплексного анализа, вдумчивого стратегического проектирования и аккуратного предварительного оценивания вероятных будущих исходов.

Выводы

Проанализировав теоретические наработки в сфере образования, как классические, так и инновационные, принятые в западной научной парадигме, можно вывести убедительное основание для пересмотра существующих стратегий и инструментов обновления системы образования в России. При этом акцентируется необходимость трансцендирования чисто экономических рамок в пользу более глубокого погружения в социальные контексты и стратегические директивы. Они выступают краеугольным камнем для созидания более адаптивных и точно откалиброванных взаимоотношений между системой образования и социумом в

широком смысле. Этот процесс подразумевает собой предпосылку эффективного реформирования социального уклада общества.

Данный подход подчеркивает неотложную потребность в внедрении социокультурных ценностей в основание образовательного механизма, направленного на поддержание социальной гармонии и стимуляцию культурного развития. Привлечение внимания к социальным измерениям накладывает на образовательную систему обязанности по подготовке личностей, оснащенных не только профессиональным ноу-хау, но и осознанием своего вклада в социальное развитие, преданностью синхронизации личных экономических стремлений с глобальными социальными амбициями.

Таким образом, переосмысление и последующая коррекция методик модернизации в образовательной сфере должны протекать параллельно с гибкой адаптацией к эволюционирующим социальным реалиям. Это обеспечит прирост социального капитала и способствовать динамичному и устойчивому прогрессированию общественного организма.

Список источников

1. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 156 – 158.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Проспект, 1992. 630 с.
3. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio – Logos 96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.:ЯРТ, 1996. 308 с.
4. Саймон Б. Общество и образование. М.:Юнит-Дана, 1989. С. 29 – 31.
5. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 98 с.
6. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.:Йельс, 2004. 817 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Проспект, 2000. 620 с.
8. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 39 – 45.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 94 – 98.
10. Колесникова Е.Ю. Концепция социоструктурной функции образования в контексте его современной модернизации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 2 (162). С. 64 – 68.

References

1. Weber M. Basic concepts of stratification. Sociological studies. 1994. No. 5. P. 156 – 158.
2. Sorokin P. Man. Civilization. Society. M.: Prospekt, 1992. 630 p.

3. Bourdieu P. University doxa and creativity: against scholastic divisions. *Socio – Logos* 96. Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M.: YART, 1996. 308 p.
4. Simon B. Society and education. M.: Unit-Dana, 1989. P. 29 – 31.
5. Smelser N. Sociology. M.: Phoenix, 1994. 98 p.
6. Bourdieu P. Forms of capital. *Western economic sociology: a reader of modern classics*. M.: Yels, 2004. 817 p.
7. Castells M. *Information era: economics, society and culture*. M.: Prospekt, 2000. 620 p.
8. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Sociological Research*. 2006. No. 9. P. 39 – 45.
9. Touraine A. *The Return of the Acting Man*. M., 1998. P. 94 – 98.
10. Kolesnikova E.Yu. The concept of the sociostructural function of education in the context of its modern modernization. *News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences*. 2011. No. 2 (162). P. 64 – 68.

Информация об авторе

Самофалова Н.С., Белгородский государственный национальный исследовательский университет

© Самофалова Н.С., 2023